

ХРАМОИМЕНОВАНИЕ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ВЫБОР И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: О НАЗВАНИЯХ КАТОЛИЧЕСКИХ ХРАМОВ В РОССИИ XVII–XVIII вв.

А. Н. Андреев

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,
Российская Федерация*

Названия российских католических храмов, помимо демонстрации религиозных ценностей католиков, отражают развитие межконфессионального диалога, от состояния которого зависел успех модернизации России раннего Нового времени. Цель статьи состоит в выявлении предпочтений при наименовании католических храмов в России XVII–XVIII вв., на начальном этапе интеграции католицизма в российское культурное пространство. Ее актуальность определяется неослабевающим вниманием историков к исследованию вопросов политико-религиозного взаимодействия России и стран Запада. Теоретической основой исследования выступает семиотический подход, конкретно – семиотика языка и коммуникативная теория исторического процесса. Сделан вывод о том, что католики обыкновенно посвящали церкви святым, тезоименным монаршим особам, тем самым прославляя российских царей и цариц, выражая солидарность с их политикой. Такой подход к храмоименованию отражает принципы удвоения образа и эмблематичности имени, характерные для культуры барокко. Московские католики, в сравнении с петербургскими, подходили к задачам храмоименования более творчески, на уровне знаков стремясь представить католичество «родным» для русских, апеллируя названиями своих костелов к старомосковским традициям. В целом, священники и миряне, от которых зависел выбор названия, проявляли готовность к поддержанию мирных межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: храмоименование, католические церкви в России, межконфессиональные отношения, ценностный выбор, политическая стратегия.

Введение

Названия храмов и часовен, выступая составной частью историко-культурного наследия народов России, несут в себе культурные и конфессиональные коды, свидетельствуют о религиозных предпочтениях населения. Существует немало исследований, посвященных названиям православных храмов в конфессиональном пространстве российских регионов [1, 2], однако попытки изучения католического храмоименования до сих пор не предпринимались. Между тем выбор святых или праздников для освящения престолов в российских костелах способен не только рассказать о религиозных ценностях католиков, но и показать пути развития межконфессионального диалога, от которого зависел успех модернизации России раннего Нового времени. Ксенофобия и неприятие западных «еретиков», свойственные российской культуре допетровской эпохи, мешали модернизации страны, и изучение способов преодоления этой традиционной неприязни по-прежнему актуально для исторической науки. Одним из способов конфессионального сближения выступало наречение церквей в честь христианских праздников, близких и понятных представителям разных конфессий, а также в честь общих святых. Предлагаемая статья своей целью ставит выявление предпочтений в деле католического храмоименования

в XVII–XVIII вв., на начальном этапе интеграции католицизма в российское культурное пространство, когда риски отторжения западных традиций в России были еще велики. Достижение цели требует решения двух задач: во-первых, уточнения на основе архивных и иных источников названий костелов, во-вторых, изучения их семантики.

Обзор литературы

Специальные работы, посвященные названиям российских католических храмов, отсутствуют. Разрозненные сведения о наименовании приходов и церквей, часто требующие дополнительной проверки и аргументации, содержатся в исследованиях разных авторов, как российских (дореволюционных и современных) [3–6], так и зарубежных [7–9]. Вместе с тем ученые не предпринимали попыток систематизации этих сведений и устранения имеющихся в них противоречий.

Методы исследования

Теоретической основой исследования выступает семиотический подход, конкретно – семиотика языка и коммуникативная теория исторического процесса, обстоятельно разработанные Б. А. Успенским [10]. Соответственно, в качестве основного метода, наряду с классическими средствами исторического познания использовался метод семиотического анализа. Поскольку храмонаименование является формой ценностного выбора, применялся

антропологический подход Клайда Клакхона, понимавшего под ценностью «индивидуальное или групповое, осознанное или неосознанное представление о желаемом, которое определяет выбор целей, средств и способов действий для достижения целей» [11, с. 21].

Результаты и дискуссия

Первые католические храмы на Руси, за некоторыми исключениями, не имели каких-то особых «латинских» наименований, выделявших их среди множества православных церквей¹. Их посвящали Богородице и общим святым, например, Св. Николаю (хотя нужно иметь в виду, что на Руси культ Мир Ликийских Чудотворца распространился как раз в результате католического влияния). В начале XIII в. в Киеве, на Оболони, при бенедиктинском монастыре действовала церковь Пресвятой Девы Марии [12, с. 39]. В Ладоге в XI–XIII столетиях, как полагают, имелись две католические церкви – во имя Св. Петра и Св. Николая [12, с. 39]. Костел в Смоленске, существовавший в XII–XIV вв., был посвящен Св. Марии, и лишь в Новгороде, благодаря тесным связям его жителей со скандинавским миром, храм имел посвящение исключительно западному святому – Св. Олафу, королю Норвегии [12, с. 40].

С XV по конец XVII столетия в русских землях не было католических храмов. Первая после многовекового перерыва католическая церковь появилась в Немецкой слободе Москвы к 1688 г. и, по-видимому, именовалась Свято-Троицкой [13, с. 126]. По крайней мере, после ее расширения и переделки, произведенных иждивением германского императорского посла Гвариента в 1698–1699 гг., ее называли костелом Св. Троицы. 23 июня 1699 г. иезуит Франциск Эмилиан в деловом письме сообщал подробности: «Кроме большого алтаря во имя Пресвятой Троицы (так называется церковь), здесь имеется еще престол во имя Св. Креста и Пресвятой Девы; делается еще престол в честь Св. Ангелов» [14, с. 48]. Церковь была деревянной и сгорела в ночь на 4 (15) ноября 1705 г. [14, с. 195], однако в 1706–1707 гг. иезуиты построили новый, уже каменный, трехалтарный костел: «Работы шли быстро, и в 1707 г., в воскресенье, на восьмой день после праздника Святого Игнатия, была открыта новая церковь, освященная, так же как и старая, в честь Святой Троицы» [15, с. 285–286]. Первую мессу в ней отслужили в Троицын день 16 июня 1707 г. [7, с. 268].

Посвящение костела Св. Троице весьма необычно, поскольку Троицкие храмы характерны, главным образом, для православной русской традиции. Они получают распространение с XIV в. в связи с углублением на Руси Троицкой идеи – духовно-философской концепции, трактующей Пре-

святую Троицу в качестве прообраза Христовой Церкви, ее «горнего первообраза» [16, с. 404–405]. Храмы в честь Св. Троицы были крайне редким, экзотическим явлением в церковной жизни как Православного Востока, так и Римско-католического Запада, но со времен Преподобного Сергия Радонежского превратились в стержень духовной жизни Русского государства. Видение Троицы выступало символом задач культурного и государственного строительства, стоявших перед Московской Русью, и ассоциировалось с ними [16, с. 404].

Почему же московские иезуиты решили посвятить храм именно Св. Троице? В России с давних пор католики считались злостными еретиками, и лишь в конце XVII столетия они получили право публичных богослужений в Москве. Стабильное существование прихода и латинской миссии зависело от умения католиков показать, что их вера не просто сродни православной, а в ментальном и ценностном отношении совпадает с ней. Посвящение костела Св. Троице символически роднило католическую веру с верой «московской», показывало их принципиальное единство. Неслучайно ксендзы Франциск Лефлер и Павел Ярош в челобитной царям Петру и Ивану, поданной в 1695 г., решили прибегнуть к традиционной для православных формуле: «Пожалуйте нас, богомольцев своих, ради в Троице славимого Бога и Пресвятыя Богородицы и всех святых...» [17, с. VI]. Думается, на выбор названия для церкви повлияли и политические события в стране: в 1682 и 1689 гг. духовный оплот России – Троице-Сергиев монастырь – дважды укрывал Петра I от мятежных стрельцов, поэтому Святая Живоначальная Троица (Сам Бог в Трех Лицах) мыслилась как сила, благословляющая юного царя и защищающая его от врагов. Петр I отличался особым почитанием Трех Божественных Ипостасей: на Пятидесятницу 16 (27) мая 1703 г. им был основан Санкт-Петербург, именно Св. Троице он посвятил первый православный храм в новом городе, а затем и Александр-Невский монастырь [18, с. 245, 247]. Своим именем иезуитская церковь должна была выражать духовную и политическую солидарность католиков с царем Петром Алексеевичем.

Разрешение капуцинам основать в Москве монастырь, данное Петром I, привело к закладке в 1706 г. монастырской церкви во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла [17, с. LVI]. Строить ее начали после пожара, уничтожившего деревянный Троицкий костел, причем на том же самом участке Немецкой слободы подле прежней церкви. Неизвестно, была ли эта постройка окончена: иезуиты, сменившие вскоре капуцинов, как отмечалось выше, возвели новый Троицкий каменный храм. Тем не менее, «капуцинское» посвящение церкви Свв. Петру и Павлу не было забыто: в течение XVIII в. (нет сведений, когда именно) католический приход вновь усвоил себе

¹ Имеются в виду канонические названия храмов. В повседневной жизни русские, конечно, отличали католические храмы от православных, именуя их «немецкими» или просто костелами.

имя Петропавловского. Это следует из поданного Павлу I прошения от 10 июля 1797 г.: «Просит Римской католической в Москве Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла церкви настоятель Павел Павлов сын Пешке...» [17, с. LVIII]. На геометрическом плане церковного двора 1807 г. обозначены две каменные католические церкви без названий: одна большая, представляющая в плане латинский крест, и вторая, значительно меньшая по размеру, с полукруглой апсидой, соединенная с жилыми постройками [3, с. 131]. Д. В. Цветаев полагал, что первый храм был холодным (летним), а второй – теплым (зимним) [3, с. 125]. По-видимому, большой костел был посвящен Свв. Петру и Павлу, по нему и именовался приход. Малый храм, возможно, по традиции назывался Троицким, но документально это не подтверждено. Обе церковные постройки сильно пострадали в пожаре 1812 г., восстановлен был только холодный храм, просуществовавший до 1870 г. [3, с. 127].

Посвящение храма Свв. Петру и Павлу вполне традиционно для католиков, отмечающих, как и православные христиане, день первоверховных апостолов 29 июня, только по григорианскому календарю. Известны Петропавловские церкви и соборы в Пражском Вышеграде (XI в.), Бранденбурге (XII в., ныне лютеранская церковь), Монтрее (XIII в.), Брно (конец XIII в.), эльзасском Виссембурге (XIV в.), Сиене (XVII в.) и других городах Европы. Тем не менее, традиция посвящать храмы сразу двум апостолам более характерна для Православия, стремившегося уравновесить исключительную значимость Св. Петра, основателя и покровителя Римского Престола, авторитетом «апостола язычников». Имя костела, таким образом, отвечало политическому моменту, так как оказывалось тезоименным царю Петру, и одновременно должно было казаться привычным в восприятии православных москвичей². Желание мимикрировать под Православие, по-видимому, было свойственно католическим миссионерам той эпохи. Капуцин Роман писал из Москвы в августе 1720 г. о православных: «наши бороды внушают почтение к нам, потому что по ним здешний народ видит (...), что у нас такие же священники, как и у него» [20, с. 100]. Любопытно, что в папской копии «Жалованной грамоты капуцинам» церковь и монастырь в Москве, к созданию которых приступили в 1706 г., отмечены исключительно как посвященные Св. Петру, а не Петру и Павлу [21, с. 400]. Этот факт повторен и в официальном русском источнике – именном указе Павла I от 11 октября 1800 г., где говорилось: «Государь император указать соизволил, чтобы в католической церкви Св.

Петра богослужение отправляемо было одними иезуитами» [22, с. 338]. Речь шла, конечно, не о петербургском храме [8, с. 41], а о московском.

Наименование инославных храмов Москвы и Петербурга в честь святых покровителей российских монархов стало привычным делом в XVIII в. Этим обычаем западные христиане подчеркивали свою политическую лояльность и одновременно выражали включенность в российский имперский дискурс, если частью последнего считать идею небесного заступничества за персонифицированную власть. Во второй половине XVII в. и в самом начале XVIII в. связь между именованием инославных приходов и именами правителей еще не была такой явной, как в «петербургскую» эпоху. Так, построенную силами старой лютеранской общины Москвы каменную церковь, освященную в 1686 г., назвали Свято-Михайловской. В лютеранстве празднику Св. Архангела Михаила и всех Ангелов придается большое значение, но с Архангелом при желании можно было ассоциировать и основателя династии Романовых. Хотя царь Михаил Федорович получил свое имя в честь византийского подвижника X столетия Михаила Малеева, праздник Собора Св. Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных на Руси тоже был знаковым, а Архистратиг почитался как главный защитник русских князей и воинов. Новолютеранская церковь в Москве, возведенная из камня в 1694–1695 гг., определенно усвоила имя Свв. Петра и Павла в честь небесного патрона царя Петра, ибо он пожертвовал на ее возведение значительные средства и присутствовал при освящении 3 апреля 1695 г. [23, с. 18]. Однако наименование киркой Св. Анны первой протестантской церкви Петербурга, построенной в 1704–1705 гг. в крепости на Заячьем острове, по-видимому, не было связано с крестильными именами членов царской семьи [24, с. 84]. Великая княжна Анна Петровна, будущая Голштинская герцогиня, тогда еще не родилась, а наречение храма в честь тезоименной святой Анны Иоанновны, племянницы царя Петра и будущей монархини, в той политической ситуации представляется маловероятным.

Впоследствии названия лютеранских церквей новой столицы совпадали с именами правителей России: кирка на Литейном дворе в Петербурге с 1722 г. именовалась Свято-Петровской; заложенный 29 июня 1728 г. на Невском проспекте лютеранский собор тоже посвятили Св. Петру, покровителю Петра II (приход Петрикирхе); новая церковь Адмиралтейской стороны, заложенная в 1735 г. и освященная 26 октября 1740 г., получила имя Св. Анны (Анненкирхе), причем известно, что императрица Анна Иоанновна жертвовала на ее строительство деньги; лютеранская община Васильевского острова и ее храм с 1771 г. стали называться в честь Великомученицы Екатерины, покровительницы императрицы Екатерины II, рав-

² Возможно, капуцины ориентировались на имена наследников русского царя: по неподтвержденным сведениям у Петра I в 1704 г. и 1705 г. родились сыновья Павел и Петр, скончавшиеся до 1707 г. [19, с. 51].

но как и шведский лютеранский храм, построенный в 1767–1769 гг. [24, с. 93, 106, 113, 130].

Петербургские католики, за одним лишь исключением, следовали примеру лютеран. Первый католический храм города на Неве был деревянным – в 1710 г. его построил архитектор Доминико Трезини на будущей Греческой улице. Предположительно церковь была посвящена апостолу Петру. Это логично, хотя ее название так и не выяснено, несмотря на то что Е. А. Самыловская неоднократно ссылаясь на документ Святейшего Синода, якобы подтверждающий посвящение церкви первоверховному апостолу [25, с. 254]. Имеется в виду синодальная промемория, датированная сентябрем 1732 г., посланная сенаторам в ответ на их запрос о правовых основаниях для функционирования иноземческих церквей. Е. А. Самыловская прочитала этот источник так: духовным властям поступило прошение от верующих католиков, «обретающихся при церкви Св. Петра» [6, с. 59]. Между тем о святом Петре в тексте не говорится. Промемория гласит, что в 1724 г., когда петербургские францисканцы во главе с Якобом Доледжо и капуцины во главе с Аполлинарием спорили за право начальствовать в приходе, члены Синода, по просьбам верующих разных наций, отдали это право Доледжо. Текст выглядит так: «...Синод, слушав (...) приходских людей трех народов, немецкаго, итальянскаго и французскаго, доношения, тако ж и поляков особливаго прошения, и спорных обретающегося *при оной церкви Петра* Аполлинария капуцина доношений, и обеим сторонам документов, согласно приговорили: для отправления службы Божией во всем Санкт-Петербурге при оной церкви быть ему, *Петру* Иакову Деолегио начальником» [26, л. 10]. Слово «Петр», которое дважды встречается в тексте, как можно увидеть, представляет собой искаженное «патер» (т. е. священник), а не имя Пётр.

Польский историк Людвик Базылёв полагал, что первый католический храм Петербурга именовался церковью Св. Екатерины Александрийской [9, с. 27], но при этом он не привел источник информации, очевидно путая костелы разного времени постройки. Ромуальда Ханковска, напротив, считала вполне естественным, что изначально костел посвятили Св. Петру, по трем причинам: «...важное значение апостола Св. Петра, название новооснованного города и имя царя – основателя столицы» [8, с. 41]. После смерти Петра I католическую церковь Греческой слободы перестроили и ожидаемо посвятили Св. Екатерине Александрийской – патронессе Екатерины I. Перестройку закончили летом 1726 г., поместив в качестве напестольного образа барельеф, изображающий великомученицу как Христову Невесту [6, с. 63].

В пожаре, произошедшем в ночь с 24 на 25 июня 1737 г., костел Греческой слободы сгорел, и католики получили новый участок под

церковное строительство на «Невской перспективе». Костельные здания на Невском проспекте, очевидно, несколько раз перестраивались, пока в 1740-х годах не была возведена небольшая каменная церковь. Академик Иоганн Готтлиб Георги писал о ней следующее: «Католический приход (...) построил себе малую каменную церковь, вместо которой потом помощью здешних и иноземных складчин построил одну из знатнейших каменных в Санкт-Петербурге церквей» [27, с. 280–281]. Малый костел на Невском проспекте, предшествовавший сохранившемуся донине католическому собору Св. Екатерины (той самой «знатнейшей» церкви), был посвящен празднику Успения Пресвятой Богородицы. Это следует из допроса, учиненного в июле 1750 г. пономарю (кистеру) церкви Семену Пашкевичу (Пашкееву) по подозрению его жены в проституции: пономарь показывал, что он служит «...при католической церкви Успения Пресвятыя Богородицы (...), и оная церковь и ныне имеется в Санкт-Петербурге по Невской прешпективной против дому купца Милютина, что у Серебряного ряда, за прешпективою, едучи в Невской монастырь, на левой стороне» [28, л. 5].

Посвящением храма празднику Успения Девы Марии как раз и была нарушена петербургская традиция закреплять в названиях киров и костелов имена правителей. Тезоименитой императрице Елизавете Петровне святой считается праведная Елисавета, мать Иоанна Предтечи. Новопостроенные православные храмы в елизаветинскую эпоху могли называть в ее честь, например, в 1753 г. императрица присутствовала на освящении церкви Свв. Праведных Захарии и Елисаветы в Кавалергардском полку. Однако католики по какой-то причине назвали свой костел Успенским, а не Свято-Елизаветинским. Возможно, им было известно, что Елизавета Петровна ревностно почитает Пресвятую Владычицу, и они рассчитывали на то, что имя Богородицы оградит их от посягательств на принадлежащий им участок Невского проспекта. Еще в 1744 г. Елизавета Петровна выразила желание удалить инославные храмы с главной улицы города в «отдаленные места» (распоряжение это, однако, так и не было выполнено) [29, с. 277]. Впрочем, допустимо, что выбор названия для костела в данном случае обуславливался исключительно религиозными соображениями. Российские католики издавна отдавали себя под покровительство Небесной Владычицы [8, с. 128]. В Астрахани с петровских времен существовала Успенская католическая община, усилиями которой в 1721 г. был построен большой храм Успения Богородицы [30, л. 23]. В 1734 г. на его месте построили новый деревянный костел того же имени [30, л. 23].

Возведение большого католического собора на Невском проспекте по проекту Ж.-Б. Валллен-

Деламота и под наблюдением А. Ринальди пришлось на время царствования Екатерины II – летом 1763 г. положили закладной камень в фундамент здания, а осенью 1783 г. его освятили в честь Св. Екатерины Александрийской. Екатерина II придавала большое политическое значение строительству собора, и это предопределило его посвящение тезоименитой императрице святой. Академик Георги, будучи лютеранином, в 1790 г. ошибочно называл этот собор церковью Благовещения Богоматери [27, с. 108]. Вероятно, это наименование возникло у Георги вследствие абберации памяти как искажение имени прежде существовавшего на этом месте костела Успения Богоматери. Или же академик спутал название собора с названием устроенной в нем малой Благовещенской часовни [8, с. 128–129]. Главный престол католического собора на Невском проспекте, посвященный Александрийской Великомученице, никогда не менял своей дедикации, однако в храме имелись два боковых престола, в одном из которых (восточном) был помещен образ Благовещения [8, с. 98]. Именной указ от 18 октября 1800 г., передававший собор в руки иезуитов, определенно называет его «церковью католицкою Св. Екатерины в Петербурге» [22, с. 347].

Следовали ли католики провинциальных городов России правилу посвящать свои храмы святым, тезоименитым правителю или правительнице, определить трудно. Скорее нет, чем да. В Астрахани, как было отмечено выше, при Петре I возвели церковь Успения Пресвятой Богородицы. Название костела в украинском городе Нежине, построенном в 1722 или 1723 г. и сгоревшем в 1760 г., мне неизвестно³. Католическая церковь в Смоленске, появившаяся, по некоторым сведениям, между 1735–1748 гг., была посвящена Божией Матери Ангельской [31].

В Екатерининскую эпоху началось создание немецких колоний в Поволжье, но в силу их численного роста, несмотря на желание колониcтской администрации подчеркнуть пietet в отношении императрицы, храмы не могли посвящать только Св. Екатерине. В поволжских колониях выбор святых и праздников для посвящений церквей был весьма разнообразным, отражая религиозные предпочтения и ценности бауэров, которые, как легко убедиться, особенно почитали Деву Марию. В 1773 г. под Саратовом функционировали четыре костела – в Екатериненштадте, Деготте, Каменке и Семеновке [4, с. 64]. Церковь в Екатериненштадте носила имя Св. Екатерины Великомученицы (единственный случай, когда название колонии и храма связали с «августейшей монархиней»); костел в Каменке – Рождества Пресвятой Девы Марии; в Семеновке (колония Рейтлинг) – Успения

Пресвятой Девы Марии [32, с. 266]. Как называлась самая ранняя храмовая постройка в Деготте (Каменном Овраге), мне установить не удалось. К концу XVIII в. число костелов у колонистов выросло более чем в два раза [32, с. 265–266]. Если в дальнейшем их названия не менялись, то они были следующими: костел Св. Антония Падуанского в Грязноватке (Шукк), Св. Креста в Панинском (Шенхен), Рождества Пресвятой Девы Марии в Казницкой (Брабандер), Св. Михаила Архангела в Краснополье (Пройс), Успения Божьей Матери в Тонкошнуровке (Мариенталь) [33].

К концу XVIII в. религиозный ландшафт российских столиц ощутимо усложнился: формировались новые католические приходы, строились латинские часовни, чьи названия отвечали событиям мировой политики. На Малой Лубянке 30 марта 1791 г. освятили деревянную церковь во имя Св. Людовика IX, короля Франции [34, с. 616], почитаемого в качестве небесного заступника за Французское королевство и особенно за династию Капетингов-Бурбонов. Новый приход образовался по инициативе французских эмигрантов в то время, когда Людовик XVI готовился к бегству из Тюильри. В 1798 г., в связи с готовящимся избранием Павла I магистром Мальтийского ордена, при Пажеском корпусе в Петербурге основали мальтийскую капеллу Св. Иоанна Крестителя, в дальнейшем называвшуюся церковью. Примерно в то же время в усадьбе римско-католического митрополита Станислава Богуща-Сестренцевича появилась часовня в честь его небесного патрона – Св. Станислава Щепановского, краковского епископа-мученика XI столетия. Эта часовня четверть века спустя гением архитектора Давида Ивановича Висконти превратится в прекрасный классицистический собор.

Выводы

Российские католики XVII–XVIII вв. использовали храмонаименование как средство своей адаптации к местным политическим и культурным условиям. Обычно они посвящали церкви святым, тезоименитым монаршим особам, прославляя российских царей и цариц и выражая солидарность с их политикой. Такой подход к храмонаименованию отражает принципы двойничества (удвоения образа) и эмблематичности имени, характерные для культуры барокко в целом, но особенно ярко проявившиеся в русской барочной литературе XVII–XVIII вв. в связи с распространением жанра тезоименитого приветствия [35, с. 6–7]. Законы жанра, непревзойденным мастером которого был Феофан Прокопович, требовали, чтобы прославление святого переходило в славословие прямому адресату-монарху [36, с. 200]. Католики в России, особенно петербургские, предпочли усвоить эту семантико-прагматическую логику, в результате чего их церкви не только органично вписались в новое, европеизированное российское

³ Возможно, костел в Нежине был посвящен Свв. Петру и Павлу, так как Петропавловским назывался сменивший его в XIX в. храм, выстроенный в неоготическом стиле.

культурное пространство, но и стали определяющими его объектами. Московские католики, в сравнении с петербургскими, подходили к задачам храмоименования более творчески, на уровне знаков стремясь представить католичество «родным» для русских, апеллируя названиями своих костелов (Св. Троицы и Свв. Петра и Павла) к старомосковским традициям. В целом, ксендзы и миряне, от которых зависел выбор названия, проявляли готовность к поддержанию и развитию мирных межконфессиональных отношений. В тех исключительных случаях, когда не было необходимости или желания называть свои храмы в честь небесных покровителей монарших особ, католики предпочитали посвящать их Деве Марии и Ее праздникам. Названия костелов, созданных в России XVIII в., таким образом, отражают характерную для католичества сосредоточенность на культе Пресвятой Девы.

Литература

1. Конюченко, А. И. Названия православных храмов как главный ориентир в конфессиональном пространстве (На примере Оренбургской епархии конца XIX века) / А. И. Конюченко, О. В. Никифорова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. – 2003. – № 1. – С. 171–173.
2. Манькова, И. Л. Роль царей Романовых в формировании православного ландшафта Зауралья в XVII в. / И. Л. Манькова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2013. – Вып. 1(5). – С. 39–48.
3. Цветаев, Д. В. История сооружения первого костела в Москве / Д. В. Цветаев. – М. : Унив. тип., 1885. – 130 с.
4. Лиценбергер, О. А. Римско-католическая церковь в России: История и правовое положение / О. А. Лиценбергер. – Саратов : Поволжская академия государственной службы, 2001. – 384 с.
5. Лиценбергер, О. А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: Сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 2005. – 488 с.
6. Самыловская, Е. А. Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. – СПб. : СПбГУ, 2016. – 206 с.
7. Florovský, A. V. Čeští jesuité na Rusi: Jesuité české provincie a slovanský východ. – Praha : Nakladatelství Vyšehrad, 1941. – XI, 468 s.
8. Ханковска, Р. Храм Святой Екатерины в Санкт-Петербурге / Р. Ханковска. – СПб. : Чистый лист, 2001. – 240 с.
9. Базылёв, Л. Поляки в Петербурге / Л. Базылёв. – СПб. : Блиц, 2003. – 448 с.
10. Успенский, Б. А. Historia sub specie semioticae / Б. А. Успенский // Избранные труды. – Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 71–82.
11. Горнова, Г. В. Концептуальные схемы трактовки ценностного выбора / Г. В. Горнова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3 (36). – С. 19–24.
12. Козлов-Струтинский, С. Г. История Католической Церкви в России / С. Г. Козлов-Струтинский, П. А. Парфентьев. – СПб. : Белый камень, 2014. – 740 с.
13. Кувшинская, И. В. Труды и дни императорской миссии. Католический храм Немецкой слободы на рубеже XVII–XVIII веков / И. В. Кувшинская // Архитектурное наследие. – 2012. – № 57. – С. 125–138.
14. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. – Рязань : Александр, 2010. – 336 с.
15. Pierling, P. La Russie et le Saint-Siège: Études diplomatiques / P. Pierling. – Paris : Librairie Plon, 1907. – Vol. 4. – VII, 464 p.
16. Флоренский, П. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия / П. А. Флоренский // Прометей. – М. : Молодая гвардия, 1990. – Т. 16. – С. 396–410.
17. Цветаев, Д. В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII вв. / Д. В. Цветаев. – М. : Унив. тип., 1886. – [8], 462, LIX с.
18. Лелина, Е. И. К вопросу об истоках символической концепции петровского Санкт-Петербурга / Е. И. Лелина // Труды исторического факультета СПбГУ. – 2010. – № 2. – С. 243–248.
19. Пчелов, Е. В. Петр Великий и династическая политика Романовых в XVIII–XX веках / Е. В. Пчелов // Петр Великий – реформатор России : материалы и исследования. – М. : Московский Кремль, 2001. – С. 40–54.
20. Донесения французского консула в Петербурге Лави // Сб. РИО. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. – Т. 40. – С. 1–464.
21. Theiner, A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples / A. Theiner. – Rome : Imprimerie du Vatican, 1859. – 556 p.
22. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. 26. – 876 с.
23. Снегирев, И. М. О начале и распространении лютеранских и реформатских церквей в Москве / И. М. Снегирев. – М. : Тип. Каткова, 1862. – 23 с.
24. Алакшин, А. Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. / А. Э. Алакшин. – Челябинск : ЧелГУ, 2006. – 415 с.
25. Самыловская, Е. А. Повседневная жизнь петербургской католической общины в первой трети XVIII в. / Е. А. Самыловская // Труды Государственного Эрмитажа. – СПб., 2013. – Т. 70. – С. 252–262.

26. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. – Оп. 13. – Д. 260.
27. Георги, И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей окрестностей оного / И. Г. Георги. – СПб. : При Импер. Шляхетском сухопутном кадетском корпусе, 1794. – [8], XI, [15], 757 с.
28. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 31.
29. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. 1740–1748 / С. М. Соловьев. – М. : АСТ : Фолио, 2001. – Кн. 11. – 800 с.
30. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 37. – Д. 90.
31. Из истории Католической Церкви в Смоленске. – URL: <http://catholic-smolensk.com/about/istoriya/> (дата обращения: 24.04.2025).
32. Плеве, И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века / И. Р. Плеве. – 3-е изд. – М. : Международный союз немецкой культуры, 2008. – 400 с.
33. Список церквей Тираспольской епархии по деканатам по состоянию на 01.01.1878 г. // Государственный архив Саратовской области. Аннотированный список дел фонда № 1166 «Херсонская римско-католическая духовная консистория». – URL: <http://sar-archive.ru/bd/herson/rkc.html> (дата обращения: 24.04.2025).
34. Rjéoutski, V. La colonie française et l'église catholique de Moscou à la fin siècle XVIII / V. Rjéoutski // Cahiers du Monde russe. – 2000. – 41/4 (octobre-décembre). – P. 615–628.
35. Сазонова, Л. И. Трансформация агиографического жанра в русской придворной литературе раннего Нового времени / Л. И. Сазонова // Славяноведение. – 2022. – № 6. – С. 5–18.
36. Терешкина, Д. Б. Минейный код в ораторской прозе Феофана Прокоповича / Д. Б. Терешкина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2014. – № 5. – С. 193–202.

Андреев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и нового времени, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), e-mail: alxand@yandex.ru. ORCID 0000-0003-2589-2052

Поступила в редакцию 22 мая 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh250401

CHURCH NAMING AS A VALUE CHOICE AND POLITICAL STRATEGY: THE NAMES OF CATHOLIC CHURCHES IN 17th – 18th CENTURY RUSSIA

A. N. Andreev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

The names of Russian Catholic churches both reflect the religious values of the Catholics, and demonstrate ways to developing interfaith dialogue, which state predetermined the successful modernization of Russia during the early modern period. The study aims to identify preferences in the naming conventions of Catholic temples in 17th and 18th-century Russia, when Catholicism first integrated into the Russian cultural space. The significance of the study is determined by the keen attention of historians to political and religious interaction between Russia and Western countries. The theoretical basis of this study is the semiotic approach, specifically the semiotics of language and the communicative theory of the historical process. The author concludes that Russian Catholics typically named their churches after saints or monarchs, thereby glorifying the Russian tsars and tsarinas and expressing support for their policies. This approach to church naming reflects the principles of image doubling and name emblematicity, which are characteristic of the Baroque culture. Compared to Catholics in St. Petersburg, Moscow Catholics were more creative in naming churches, trying to present Catholicism as a “home” for Russians at the level of signs and appealing to Old Moscow traditions in the names of their churches. Priests and laity, who predetermined the choice of church names, generally demonstrated readiness to maintain and promote peaceful interfaith relations.

Keywords: temple naming, Catholic churches in Russia, interfaith relations, value choice, political strategy.

References

1. Konyuchenko A.I., Nikiforova O.V. Nazvaniya pravoslavnykh khramov [Names of Orthodox Churches] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Istoriya*. 2003. № 1. P. 171–173.
2. Mankova I.L. Rol' tsarey Romanovykh v formirovanii pravoslavnogo landshafta Zaural'ya v XVII v. [The Role of the Romanovs in the Formation of the Orthodox landscape of the Eastern Urals in the 17-th Century] // *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. 2013. № 1. P. 39–48.
3. Tsvetaev D.V. Istoriya sooruzheniya pervogo kostyola v Moskve [The History of the Construction of the First Catholic Church in Moscow]. Moscow, 1885. 130 p.
4. Litzenberger O.A. Rimsko-Katolicheskaya Tserkov' v Rossii [The Roman Catholic Church in Russia]. Saratov, 2001. 384 p.
5. Litzenberger O.A. Rimsko-katolicheskaya i Evangelicheskoye-lyuteranskaya Tserkvi v Rossii [The Roman Catholic and Evangelic-Lutheran Churches in Russia]: dis. ... d-ra ist. nauk. Saratov, 2005, 488 p.
6. Samylovskaya E.A. Katolicheskaya obshchina Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka [Catholic Community of St. Petersburg in the first half of the 18-th century]: dis. ... cand. ist. nauk. Saint Petersburg, 2016. 206 p.
7. Florovsky A.V. Czech Jesuits in Russia. Praha, 1941. XI. 468 p.
8. Hankovska R. Khram Svyatoy Ekateriny v Sankt-Peterburge [The Church of St. Catherine in St. Petersburg]. Saint Petersburg, 2001. 240 p.
9. Bazylyov L. Polyaki v Peterburge [Poles in Petersburg]. Saint Petersburg, 2003. 448 p.
10. Uspenskiy B.A. Historia sub specie semioticae // *Selected works*. Moscow, 1996. Vol. 1. P. 71–82.
11. Gornova G.V. Kontseptual'nye skhemy traktovki tsennostnogo vybora [Conceptual Schemes of Interpretation of Value Choice] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 2022. № 3 (36). P. 19–24.
12. Kozlov-Strutinskiy S.G., Parfentiev P.A. Istoriya Katolicheskoy Tserkvi v Rossii [History of the Roman Catholic Church in Russia]. Saint Petersburg, 2014. 740 p.
13. Kuvshinskaya I.V. Trudy i dni imperatorskoy missii [The Labors and Days of an Imperial Mission] // *Arkhiturnoe nasledstvo*. 2012. № 57. P. 125–138.
14. Pis'ma i doneseniya iezuitov o Rossii [Letters and Reports of Jesuits about Russia]. Ryazan, 2010. 336 p.
15. Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Paris, 1907. Vol. 4, VII. 464 p.
16. Florenskiy P.A. Troitse-Sergieva Lavra i Rossiya [The Holy Trinity-Sergius Lavra and Russia] // *Prometey*. Moscow, 1990. Vol. 16. P. 396–410.
17. Tsvetaev D.V. Iz istorii inostrannykh ispovedaniy v Rossii v XVI i XVII vv [From the History of Foreign Confessions in Russia the 16 and 17-th centuries]. Moscow, 1886, [8]. 462, LIX p.
18. Lelina E.I. K voprosu ob istokakh simvolicheskoy kontseptsii petrovskogo Sankt-Peterburga [On the Question of the Petrine Saint Petersburg Symbolic Concept's Origins] // *Trudy istoricheskogo fakul'teta SPbGU*. 2010. № 2. P. 243–248.
19. Pchelov E.V. Pyotr Velikiy i dinasticheskaya politika Romanovykh v XVIII–XX vv. [Peter the Great and the Dynastic Policy of the Romanovs in the 18–20-th Centuries] // *Petr Velikiy – reformator Rossii: materialy i issledovaniya*. Moscow, 2001. P. 40–54.
20. Doneseniya frantsuzskogo konsula v Peterburge Lavi [Reports of the French Consul in Petersburg La Vie] // *Sbornik RIO*. 1884. Vol. 40. P. 1–464.
21. Theiner A. Monuments Historiques Relatifs Aux Règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand. Rome, 1859. 556 p.
22. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The Full Corpus of Laws of Russian Empire]. Saint Petersburg, 1830. Vol. 26. 876, [7] p.
23. Snegiryov I.M. O nachale i rasprostraneni lyuteranskikh i reformatskikh tserkvey v Moskve [On the Beginning and Spread of Lutheran and Calvinist Churches in Moscow]. Moscow, 1862. 23 p.
24. Alakshin A.E. Protestantskie obshchiny v Peterburge v 18 v. [Protestant Communities in Petersburg in the 18-th Century]. Chelyabinsk, 2006. 415 p.
25. Samylovskaya E.A. Povsednevnyaya zhizn' petersburgskoy katolicheskoy obshchiny v pervoy treti XVIII v. [Daily Life of the Petersburg Catholic Community in the First Third of the 18-th Century] // *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. 2013. T. 70. P. 252–262.
26. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 796. Op. 13. F. 260.
27. Georgi I.G. Opisaniye rossiysko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga [Description of Russian-Imperial Capital of St.-Petersburg]. Saint Petersburg, 1794, [8], XI, [15]. 757 p.
28. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. F. 8. Op. 1. F. 31.

29. Soloviyov S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremyon. 1740–1748 [Russian History Since Ancient Times. 1740–1748]. Moscow, 2001. Vol. 11. 800 p.
30. RGIA [RSHA]. F. 796. Op. 37. F. 90.
31. Iz istorii Katolicheskoy Tserkvi v Smolenske [From the History of the Catholic Church in Smolensk]. URL: <http://catholic-smolensk.com/about/istoriya/> (date of accessed: 24.04.2025).
32. Pleve I.R. Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroy polovine XVIII veka [German Colonies on the Volga in the Second Half of the 18-th Century]. Moscow, 2008. 400 p.
33. Spisok rimsko-katolicheskikh tserkvey Tiraspol'skoy eparkhii [List of Roman Catholic Churches of the Tiraspol Diocese]. URL: <http://sar-archive.ru/bd/herson/rkc.html> (date of accessed: 24.04.2025).
34. Rjéoutski V. La Colonie Française et L'église Catholique de Moscou à la Fin Siècle XVIII // *Cahiers du Monde russe*. 2000. 41/4. P. 615–628.
35. Sazonova L.I. Transformatsiya agiograficheskogo zhanra [Transformation of Hagiographic Genre in Russian Court Literature of the Early Modern Epoch] // *Slavyanovedenie*. 2022. № 6. P. 5–18.
36. Tereshkina D.B. Mineiny kod v oratorskoy proze Feofana Prokopovicha [The Mineiny Code in Theophan Prokopovich's Oratorical Prose] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2014. № 5. P. 93–202.

Alexander N. Andreev – D. Sc. (History), Professor of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Russian State University for the Humanities (Moscow), e-mail: alxand@yandex.ru

Received May 22, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреев, А. Н. Храмоименование как ценностный выбор и политическая стратегия: о названиях католических храмов в России XVII–XVIII вв. / А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 6–14. DOI: 10.14529/ssh250401

FOR CITATION

Andreev A. N. Church naming as a value choice and political strategy: the names of Catholic churches in 17th – 18th century Russia. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 4, pp. 6–14. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh250401